DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-182-187
УДК 821.111

ОБРАЗ ДРУГОГО В РОМАНЕ Т. ФИШЕРА «ФИЛОСОФЫ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ»

© Юлия Сысоева

THE IMAGE OF THE OTHER IN T. FISCHER' NOVEL "THE THOUGHT GANG"

Julia Sysoeva

The article, based on the novel "The Thought Gang" by Tibor Fischer, reveals the features of its characters – a philosopher and a criminal, who complete their self-identity through mutual relations with the Others. We analyze the significance of the intellectual and bodily elements in the structure of characters and the ironic discourse in the novel. By rejecting the usual dichotomy (philosopher - criminal) through researching the image of the Other, T. Fischer presents his characters in such a way that one of them - the marginal in science - fills the gaps in his self-identity through interactions with the criminal, and the other - the bandit - acquires self-identity (and at the same time the meaning of life) after becoming a partaker of philosophical discourse. As a result, these characters, who were originally Strangers / Others within the framework of modern society, become Ours after finding themselves in a similar crisis situation. At the same time, for them, the acceptance of one's own physicality becomes one of the ways of self-identification: for one of them it is a positive sensory experience with a gender Other, for another it is the deconstruction of his body and realization that one's existence is finite. Possessing the traditional features of a rogue novel, this work of T. Fischer is different as the social issues of this genre are replaced by the issues of philosophical knowledge of the world and man in the era of fin de millenium.

Keywords: Fischer, self-identification, image of the Other, irony, postmodernism.

В статье раскрываются особенности образов героев романа Тибора Фишера «Философы с большой дороги» – философа и преступника, которые восполняют свою самоидентичность через взаимоотношения с Другими. Выявляется значимость интеллектуального и телесного начал в структуре образов, анализируется иронический дискурс в романе. Отвергая через исследование образа Другого привычную дихотомию («философ – преступник»), Т. Фишер представляет героев таким образом, что один – маргинал в науке – восполняет разрывы в самоидентичности через взаимодействие с преступником, а второй – бандит – обретает самоидентичность (а вместе с тем и смысл жизни), приобщившись к философскому дискурсу. В результате герои, изначально являвшиеся Чужими / Другими в рамках современного социума, оказавшись в сходной ситуации кризиса, становятся Своими. При этом принятие собственной телесности для героев становится одним из способов самоидентификации: если для одного – через позитивный чувственный опыт с гендерным Другим, то для второго – через деконструкцию тела и понимание конечности своего существования. Обладая традиционными чертами плутовского романа, данное произведение Т. Фишера отличается тем, что на смену социальной проблематике этого жанра приходят проблемы философского познания мира и человека в эпоху fin de millenium.

Ключевые слова: Фишер, самоидентификация, образ Другого, ирония, постмодернизм.

В английской литературе сложилось традиционное представление о Другом / Чужом как о представителе другой нации или иного сословия. Вплоть до XX столетия сюжеты произведений включали в себя историю о том, как инациональный Другой был либо побежден, либо усмирен и приобщен к подданным Британской империи. Наиболее часто английские писатели обращались к этой проблеме в отношении француз-

ской нации, тем самым отражая многовековое противостояние двух народов, споривших за территории и влияние в мире. В эпоху глобализации происходит радикальное переосмысление взаимоотношений с Другим и инаковости в целом. Противостояние английского и французского ослабляется и подвергается ироническому осмыслению в постмодернистской литературе. Так, в романе Дж. Барнса «Попугай Флобера» анг-

лийский врач Брэтзэйт становится исследователем творчества Гюстава Флобера и следует по памятным местам, пытаясь приобщиться к жизни своего кумира. Однако проблема Другого не теряет своей актуальности в современном мире, так как культура последних десятилетий отражает состояние субъекта, утратившего свою целостность. Возникает необходимость множественной репрезентации субъекта, и в этом смысле образ Другого / Иного помогает выразить изменчивую идентичность субъекта, а также помогает осознать его собственное «Я» в плюралистическом пространстве современной культуры.

По мнению М. Брэдбери, многим английским писателям 1990-х годов свойственны точка зрения аутсайдера и чувство исторической тревоги (цит. по: [Бузылева, с. 452]). К таким писателям относится Тибор Фишер (род. 1959), венгр по национальности, родившийся и получивший образование в Англии. После окончания Кембриджа, где он изучал латинский и французский языки, Фишер работал журналистом в Англии и Венгрии. Возможно, билингвизм и ощущение себя на границе нескольких культур позволили писателю уже в первом романе «Под лягушкой» («Under the Frog», 1992) так осязаемо и детально рассказать о состоянии субъекта, живущем в социалистическом государстве и обретающем себя через отражение в других субъективностях.

В следующем произведении Т. Фишер продолжает английскую литературную традицию – писать весело о серьезном. Свой роман «Философы с большой дороги» («The Thought Gang», 1994; рус. пер. – 2002) автор определил как «краткую книгу обо всех знаниях и опыте человечества», достойную отметить рубеж тысячелетий [Там же, с. 451]. Произведение Фишера отмечено традиционными чертами плутовского романа, однако на смену социальной проблематике этого жанра приходят проблемы философского познания мира и человека в эпоху *fin de millenium*.

Главный герой романа, английский преподаватель философии Эдди Гроббс, сбежавший от преследования полиции во Францию, повествует о своих похождениях вместе с инвалидом-преступником Юбером, ограблении французских банков, обильных возлияниях и любовных связях. Он предстает маргиналом и мошенником в науке и удачливым грабителем. Причем процесс самоидентификации героя последовательно прослеживается на протяжении всего произведения. Однако в сознании читателя происходит разрыв в идентичности философа и грабителя, так как в обыденном сознании все эти качества не существуют совместно.

Герой постоянно рефлексировал о своей новой роли грабителя и ищет в ней философский смысл:

Когда вы беретесь за ограбление банка, первым делом надо решить, куда пристроить пистолет. Решившись, я вытряхнул из своего чемодана все книги, а на их место водрузил Юберову пушку. Символический жест, не правда ли? [Фишер, с. 64].

Важно, что этот герой именно философ, имеющий представление обо всем пути человеческих поисков истины, обладающий тем самым трансцендентным знанием, о котором писал К. Ясперс. Но его гипертрофированная лень и стремление к удовольствиям противоречат стереотипным представлениям о неутомимости духа мыслителей, об их неисчерпаемой жажде познания:

Больше всего наше земное бытие омрачает не грусть, причина которой в том, что «все пройдет» (то есть исчезнет и растает все, что было нами столь любимым), а тот факт, что вновь и вновь приходится напрягаться, обрывать новыми связями, учась жить с чистого листа, вставая в мир заново [Там же, с. 200].

Даже к новому занятию Гроббс подходит весьма прагматично:

Грабя банки, состояния не сделаешь – тут и говорить нечего. Это – тяжелая работа, в наши дни нечего и ожидать, что на одном налете ты заработаешь больше нескольких тысяч <...>. Этих доходов вполне хватает, чтобы потягивать «Шабли», но особо на них не разгуляешься, а уж о том, чтобы уйти на покой так, как тебе хотелось бы, и речи быть не может: картинка предстоящей старости – учитывая столь скудное обеспечение – отнюдь не тешит воображение... [Там же, с. 201].

Образ стареющего философа, в прямом смысле ищущего истину в вине, становится своеобразным ответом на финальную мысль раблезианского романа и пародийным воплощением многовековых безрезультатных попыток человечества привести знание об окружающем мире в систему, выстроить рациональную упорядоченность поверх хаоса.

В работах П. Рикера [Рикер] была предпринята попытка поиска нового способа организации опыта индивида в единое целое: воспринимаемое осваивается посредством повествовательной фикции. Г. Н. Зыкова пишет: «Мир доступен и открывается человеку (в науках тоже) лишь в виде рассказов о нем. Любое повествование требует интерпретации, познание – индивидуальное восприятие и суждение – слишком за-

висит от культурных факторов (этнических, нравственных, гендерных, политических и др.). Поэтому повествование не только представляет, но и воспроизводит и перевоссоздает реальность в восприятии человека, то есть „творит реальность“, и в то же время в своем качестве повествования утверждает свою „независимость“ от этой реальности. Таким образом, повествование в такой же мере открывает и истолковывает мир, в какой скрывает и искажает его» [Зыкова, с. 174]. Конструирование собственной идентичности героя-повествователя в романе Фишера происходит в комплексе во взаимодействии с нарративами Других. Весь опыт философского постижения мира, построенный на подчас противоположных точках зрения на проблемы мира и человека, Эдди Гроббс осваивает по роду деятельности, и это становится лишь причиной утраты целостности его личности, о чем он говорит иронически. Но за этой иронией скрывается глубочайший трагизм, связанный с состоянием человеческой личности в современную эпоху.

С самого начала повествования Гроббс характеризует себя как Иного не только в профессии (он был чрезвычайно ленив и постоянно манкировал своими обязанностями университетского преподавателя), но и с точки зрения национальной принадлежности. Сравним:

<...> я – англичанин: я принадлежу к расе, известной своим пристрастием к газонам, тысячам извинений, которые мы приносим, когда нас едва не сбивает с ног встречный прохожий, стоянием в очереди под дождем, множеством других характерных черт <...> [Фишер, с. 12];

<...> за прошедшие годы мною поглощено столько французских вин, французской болтовни и французских текстов, что и сам я наполовину стал французом. Подвергся процессу внутренней галлицизации. Воистину я пропитан этой культурой больше, чем любой завсегдатай этих мест <...> [Там же, с. 28–29].

Для обретения субъектной целостности герою Фишера, безусловно, необходим Другой как объект, который может трансформироваться в субъект и превратить «Я» в объект. Так, Другой представляет собой «видимый предел». Быть философом в современном мире – значит быть Иным. Об этом читатель узнает с самых первых страниц романа:

<...> род занятий?

- Философ.
- Философ?!
- Философ.

Зачем задавать вопросы, если ответы вас не устраивают? Мой ответ развеял у полицейских послед-

ние сомнения в том, что я просто развлекаюсь за их счет [Там же, с. 9].

Для осмысления «видимого предела» в романе важен и образ одноглазого и однорукого бандита Юбера, который в критической литературе последних лет оставался за пределами внимания исследователей романа Фишера. Представляет интерес первая встреча с Другим (чужаком по национальной и социальной принадлежности). Изначально Гроббс для Юбера Чужой:

Я вытряс из кармана четыре наличествующие у меня монетки и протянул их на ладони навстречу стоящему в коридоре. Однако тот втолкнул меня в комнату и закрыл дверь – видимо, он хотел придать своему грабежу несколько более интимный характер.

– Не юли. Гони монету.

– Вот, – повторил я.

– Но ты же *турист*!

– Угу. Только турист без денег.

– Не заливай! Туристов без денег не бывает.

– Один такой перед тобой. Можешь полюбоваться, – пожал я плечами, указывая на земное достояние, которым располагал на данный момент.

– Но... ты же *турист*, – настаивал он, однако я с облегчением услышал в его тоне не столько злобу, сколько проблеск доверия [Там же, с. 45] (курсив наш. – Ю. С.).

Но для Гроббса Юбер не имеет каких-либо отличительных черт, которые указали бы на его инаковость, то есть типичность как француза, подчеркивается лишь его преступная сущность. Считается, что чужестранец не является Другим, до тех пор пока он не начинает «говорить на понятном Я языке». Тем не менее автор заставляет главного героя увидеть Юбера «остраненным» взглядом. Так же, как и преподаватель философии, грабят банки, «усеченная версия» Юбера не соотносится с образами супергероев-злодеев, ловких и физически сильных, избегающих встречи с официальными представителями власти. Показательно описание этого героя в самом начале романа, еще до того, как родится идея банды философов:

Юберовы протезы, живописно разложенные по комнате, придавали ей карнавальное убранство. Слуховой аппарат красовался на кожаной куртке: король на троне, да и только. Ножной протез стоял, прислоненный к креслу по соседству. Вид у этой культишки был такой, что сразу становилось ясно – далеко на ней не ускочишь. Рука покоилась на раковине <...> Созерцая этот ассамбляж, я понимал, почему Юбер не торопится встать с пола: он, несомненно, был занят обдумыванием головоломки, как бы половчее собрать все это богатство [Там же, с. 59].

Так, пожалуй, могли изобразить «великого преступника» сюрреалисты, но мы видим его глазами человека «здорового смысла». В дальнейшем развитие этого образа становится воплощением мысли о стремлении человека вписать свою жизнь в какую-либо систему, которая даст возможность обрести смысл и целостность индивидуального бытия. Форма бытия Юбера – преступление. Следовательно, автор соединяет эту форму с его стремлением к неизвестному до сей поры философскому знанию. Сюжетно это приводит к ловко закрученной романной интриге в духе иронического детектива – заранее объявленные ограбления банков и возможность спасения денежных средств благодаря философской эрудированности работников банка. Креативность грабителя доходит до идеи объявлять «Философа месяца». Гроббс и Юбер, философ и грабитель, взаимно постигают секреты ремесла друг друга, совершают ограбления в соответствии с различными философскими системами: по-сократовски, в позитивистском ключе, по-картезиански. Таким образом, стремящийся к философскому знанию Юбер обретает целостность своего бытия, а Гроббс – забавные воспоминания и оптимизм.

Включение Юбера в философский нарратив, а Гроббса – в детективный расширяет спектр средств поиска самоидентичности. В процессе включения образа Другого в собственную идентичность преодолеваются разрывы в идентичности, связанные со столкновением с Другим, что и составляет ценность исследования образа Другого через нарратив.

«На самом деле, – считает переводчик романа А. Нестеров, – Юбер – наивный идеалист, мечтающий о высоком. Встретив Эдди, он „подсаживается“ на философию, как наркоман на иглу. Он отравлен философией – примерно так же, как Дон Кихот отравлен рыцарскими романами. (Собственно, Фишер вполне осознано проводит подобную параллель: тощий идеалист-меланхолик Юбер – Дон Кихот, упитанный сангвиник-практик Эдди – Санчо Панса. В одном из интервью Фишер прямо говорит, что, сочиняя „Философов с большой дороги“, не мог не отдать дань Сервантесу, с которого, по сути, и начался весь современный роман как жанр)» [Нестеров]. И в итоге история этих двух неудачников, погруженных в тривиальное и бытовое, обретает возвышенный оттенок, столь нехарактерный для современной прозы. Иной с точки зрения национальной принадлежности, Чужой с социальной точки зрения, Другой с интеллектуальной точки зрения, по нравственным приоритетам

Юбер становится для Гроббса Своим, его «ментальным» двойником.

В романе Фишера ни разу не говорится о Гроббсе и Юбере как о типичных представителях английской и французской наций, однако их инаковость, «очужденность» раскрывается через определенный лингвистический «код». Подобный прием в своей сути встречается в творчестве многих авторов, которые пишут не на родном языке, что позволяет им обрести некоторую дистанцию в повествовании, «увидеть» язык «остранненно». Фишер использует много слов – порой очень редких и экзотических, – начинающихся на букву «z». Переводчик романа А. Нестеров комментирует этот стилистический прием: «Если вы откроете английский словарь, вы обнаружите, что в самом языке таких слов очень мало: даже в больших словарях они занимают всего пару страниц. (И впечатление английского читателя от настойчивого мелькания в тексте подобных слов примерно такое же, как если бы русский читатель регулярно сталкивался в тексте со словами... на „ы“»). Но важно, что в латинском алфавите „z“ – последняя буква. Его „омега“. Фишер как бы кивает читателю на евангельское изречение: „И последние станут первыми“. В переводе это, к сожалению, ушло – в русском нет средств это передать» [Там же]. Подобная игра с языком, более явная для носителей английского языка, становится одной из форм выражения инаковости героев.

Игровое начало в произведении Фишера представлено и через поэтику симулякров. Как отмечает А. Аствацатуров, речь героя-повествователя выявляет «напряженное противоречие между означающими и не подлежащей означиванию реальностью» [Аствацатуров, с. 29]. Анализируя повествовательные стратегии в романе «Философы с большой дороги», исследователь пишет: «Между субъектом и миром устанавливается связь благодаря языку, но она оказывается мнимой и сводится к метафорической игре. Предмет описывается Гроббсом с помощью понятий (определений), принятых при описании другого предмета. В результате возникает комическое несовпадение реальности и знака» [Там же]. Вот некоторые примеры антропоморфизации предметов в речи философа-бандита:

Лобовое стекло точно выбрало момент, когда можно пренебречь долгом и покинуть вверенный ему пост [Фишер, с. 33];

К тому моменту, когда вдали показалась земля обетованная, мой контракт с пневмонией был подписан и скреплен печатями [Там же, с. 36];

У моей привлекательности истекли все сроки годности [Там же, с. 38];

Голод нанес мне намеченный визит [Там же, с. 42].

Юбер же с одержимостью неопита произносит свои философские монологи во время налетов на банки, и подобное противоречие между реальностью и высшей истиной, кажущейся теперь иллюзорной, также рождает комический эффект.

Фишер подвергает постмодернистскую метафору «человек – текст» ироническому осмыслению:

Отрицательные стороны карьеры философа: от вас ждут публикаций; вы приравнены к стопке испитых вами листов, вы есть то, что вами написано. Учтите: качество особо не повредит вашему тексту, но важнее не оно, а толщина издания. Ваш статус растет пропорционально росту испитых чернилами листов, которые служат вам пьедесталом [Там же, с. 101].

А идентификация философов происходит, по мнению героя Фишера, не за счет того, какой вклад в развитие мысли они сделали, а благодаря какой-либо яркой черте – облика ли, биографии:

Диоген – бочка; Сократ – цукута; Аквинат – толстяк; Кант – неопишемое занудство [Там же, с. 256].

В своем романе Фишер следует одной из основных тенденций современной литературы и в очередной раз подтверждает постулат о неразрывности чувственного и интеллектуального начал в природе человека. Автор включает чувственный опыт в сам акт самоидентификации главного героя, живущего не только философскими размышлениями. Эдди Гроббс многократно рефлексировал по поводу своей внешности, изначально не принимая качеств данной ему телесности, «избыточности» тела, которое далеко от эстетического идеала, сформировавшегося тогда же, когда и основные философские понятия. От оценочных характеристик своего физического облика герой постепенно переходит к выражению состояния «отчужденности» тела от сознания, его «другости»: *толстый лысый трутень* [Там же, с. 18], *моя сущность обладает телом* [Там же, с. 33], *у привлекательности истекли сроки годности* [Там же, с. 38], *мое пребывание в заточении в теле Эдди Гроббса* [Там же, с. 88], *я был вместительницей всех скорбей мира, собранных в пределах одного тела, уже тогда весьма средних лет* [Там же, с. 102].

Гроббс вспоминает различные факты своих интимных неудач, иронизируя над собой, как, например, в эпизоде с фиаско на флажштоке муниципалитета в молодые годы [Там же, с. 81–82].

Все «акты чувственности», совершенные героем под влиянием алкоголя, находились вне власти волевого и рационального начал, и, следовательно, автономность и суверенность субъекта растворялась в них. Однако с появлением Жослин, новой возлюбленной Гроббса и по счастливому стечению обстоятельств работницы ограбленного банка, чувственность героя проявляется вполне осознанно, что позволяет ему дополнить свое «Я» за счет этого фактора.

Автор лишает сюжет романа привычных любовных интроспекций, не раскрывая душевных метаморфоз героев и переводя переживание телесного опыта в интеллектуальный план. Подобный прием рассчитан на рецепцию читателя, искусленного разного рода беллетристическими формами и способного увидеть за весьма откровенными сценами из прошлого и настоящего процесс самоидентификации героя, в котором важным оказывается принятие себя, своей телесности. В этом смысле гендерный Другой становится так же важен, как и ментальный «двойник».

В отличие от телесности Гроббса, телесность Юбера подвергается деконструкции. Автор акцентирует внимание именно на искусственных частях тела, которыми этот герой мастерски управляет, но тем не менее осознает кратковременность своей жизни из-за «известной болезни». Однако, как уже говорилось, Юбер обретает себя, смысл своего существования благодаря встрече с философом. В конце романа он вспоминает об их первой встрече, в результате которой он мог бы стать немного богаче:

Разжился бы деньгами – и остался бы никем... [Там же, с. 411].

Этот страх пустоты, утраты самоидентификации себя в мире движет познавательными устремлениями героя, в целом отражая состояние ума современного человека, обреченного на бесконечный поиск способов самовыражения собственной сущности.

Таким образом, в романе Т. Фишера через исследование образа Другого отвергается привычная дихотомия: «философ – преступник». Ученый Гроббс, маргинал в науке, восполняет разрывы в самоидентичности через взаимодействие с преступником Юбером и через повествование о похождениях банды философов. Бандит Юбер, приобщившись к философскому дискурсу, обретает самоидентичность и тем самым обретает смысл своего бытия. Будучи изначально Чужими / Другими в современном социуме, оказавшись в сходной ситуации кризиса, герои ста-

новятся Своими. Кроме того, одним из способов самоидентификации героев становится принятие собственной телесности: для Гроббса – через позитивный чувственный опыт с гендерным Другим, для Юбера – через деконструкцию тела и понимание конечности своего существования. Так, иронически, а подчас и гротесково разворачивая детективный и любовный сюжет, используя языковую игру, Тибор Фишер воплощает гуманистическую мысль об общечеловеческих основах бытия.

Список литературы

Аствацатуров А. Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 288 с.

Бузылева К. Тибор Фишер // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред. А. П. Саруханян; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2005. С. 451–452.

Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // Философия и общество. 2001. № 4. С. 156–175.

Нестеров А. Тибор Фишер: Путешествие философа-дилетанта. URL: <http://www.niworld.ru/Statei/annestеров/fisher.htm> (дата обращения: 04.03.2015).

Рикер П. Время и рассказ = Temps et récit / П. Рикер. М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; Культур. инициатива; Унив. кн., 2000. Т. 1. 313 с. Т. 2. 217 с.

Фишер Т. Философы с большой дороги: роман / пер. с англ. А. В. Нестерова. М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2003. 415 с.

References

Astvatsaturov, A. (2007). *Fenomenologiya teksta: igra i repressiya* [Phenomenology of Text: Game and Repression]. 288 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Buzyleva, K. (2005). *Tibor Fisher. Entsiklopedicheskii slovar' angliiskoi literatury XX veka* [Tibor Fischer. Encyclopedic Dictionary of English Literature of the 20th Century]. Otv. red. A. P. Sarukhanian; Int mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo RAN. Pp. 451–452. Moscow, Nauka. (In Russian)

Fisher, T. (2003). *Filosofy s bol'shoi dorogi: roman* [The Thought Gang: A Novel]. Per. s angl. A. V. Nesterova. 415 p. Moscow, ООО Izdatelstvo AST, ЗАО NPP Ermak. (In Russian)

Nesterov, A. (2003). *Tibor Fisher: Puteshestvie filosofa-diletanta* [Tibor Fischer: A Trip of an Amateur Philosopher]. URL: <http://www.niworld.ru/Statei/annestеров/fisher.htm> (accessed: 04.03.2015). (In Russian)

Riker, P. (2000). *Vremia i rasskaz* [Time and Story]. T. 1. 313 p. T. 2. 217 p. Moscow; St. Petersburg. TsGNII INION RAN; Kul'tur. iniciativa; Univ. kn. (In Russian)

Zykova, G. N. (2001). *Postmodernistskaia kul'tura i sotsial'noe poznanie* [Postmodern Culture and Social Perception]. *Filosofiya i obshchestvo*. No. 4, pp. 156–175. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2019
Поступила в редакцию 05.07.2019

Сысоева Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
400066, Россия, Волгоград,
пр. им. В. И. Ленина, 27.
sysoevajulia@mail.ru

Sysoeva Julia Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
27 Lenin Prospect,
Volgograd, 400066, Russian Federation.
sysoevajulia@mail.ru